PG 3321
.D45 D5

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ДѢЛЬНЫЯ БЕЗДѢЛКИ.

Demidov, M

ДѢЛЬНЫЯ БЕЗДѢЛКИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

М. ДЕМИДОВА.

ВЪ ДВУХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ.

А хто сію грамоту мою
порушитъ, судитъ ему Богъ.

Великій Князь Димитрій Іоанновичь.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.
1840.

PG3321
D45D5

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы до выпуска въ свѣтъ представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Декабря 12 дня, 1839 года.

Цензоръ П. Гаевскій.

1 Apr 53

ПЕРВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

И кто вкусилъ сладость небесную,
Горька тому сладость земная.

Клятва при гробѣ Господнемъ;
часть I, стр. 168.

Отъ всякаго писателя требуется, чтобъ онъ со всѣхъ сторонъ осмотрѣлъ предметъ своей рѣчи, чтобъ онъ каждую минуту обладалъ самимъ собою, чтобъ самъ былъ увѣренъ въ причинахъ и доказательствахъ, которыя предлагаетъ другимъ, и чтобы наконецъ самъ былъ живо проникнутъ чувствованіями и страстью, которую намѣренъ возбудить въ сердцѣ читателя.

Краткая Риторика, изданная А. Мерзляковымъ.

I.

ПОДРАЖАНІЕ IV ПСАЛМУ
Царя Давида.

1.

Я осажденъ толпою бѣдъ,
Я изнемогъ съ судьбою въ битвѣ;
Всевышній Богъ! Нетлѣнный Свѣтъ,
Внемли, внемли моей молитвѣ.

2.

О люди! долго ли вамъ быть
Слѣпцами въ чудномъ Божьемъ мірѣ,
И Бога истиннаго чтить
Въ ничтожномъ хитрости кумирѣ?

3.

Богъ есть чистѣйшая любовь
Онъ гласу страждущихъ внимаетъ,
И ярко надъ толпой враговъ
Гонимый праведникъ сіяетъ.

4.

Смягчите злобныя сердца
Закону Бога покоритесь,
Какъ дѣти одного отца
Любовью братской съединитесь.

5.

Курите правдѣ фиміямъ,
Стряхнувъ грѣха оковы тлѣнны,
И обратитесь къ небесамъ
Ихъ благодатью обновленны.

6.

Гдѣ правда? Гдѣ ее искать?
Въ душахъ такъ многіе роптали:

Хотѣли тайны неба знать
И лишь въ невѣжествѣ блуждали.

7.

А я смиренъ и кротокъ былъ
Творцу всемъ сердцемъ покорился,
И онъ мнѣ очи просвѣтилъ,
Міръ предо мной разоблачился.

8.

Я не боюсь моихъ враговъ,
Пусть умъ ихъ злое замышляетъ
Меня отъ злобы Царь міровъ
Своей десницей защищаетъ.

II.

Вопросъ.

Я думой возлеталъ въ чертогъ небесныхъ силъ,
Я вопрошалъ духовъ безплотныхъ легіоны
И голубую твердь безоблачныхъ небесъ
Я, книгу звѣздъ, читалъ духовными очами.
Подслушивалъ стихій таинственный глаголъ
Я вопрошалъ громовъ заоблачныхъ раскаты,
И хаосъ бурь и вѣтровъ горныхъ вопль,
Сіянье дня и темноту ночную,
Гранитныхъ скалъ зубчатые хребты,
И мрачныя подземныя пещеры,
Цвѣтущія роскошныя поля,
И снѣжныя холодныя пустыни,
Высокіе кудрявые лѣса
И голубыя воды океана.

Я вопрошалъ парящаго орла,
И червяка, ползущаго въ долинѣ,
Преданія давнобылыхъ вѣковъ
И мудрецовъ высокія идеи;
Я вопрошалъ людей и жизнь и смерть,
Умъ, совѣсть, и весь міръ, и все, что въ мірѣ.
И міръ, и все что въ мірѣ мнѣ сказало:
« Есть Богъ, есть Богъ и благъ сей вѣчный Богъ!»

III.

Туча и вѣтеръ.

Изъ за темной дубравы встала молніеносная туча
И ковромъ огнетканнымъ повисла на куполѣ неба
Изъ за синяго моря, изъ за мшистыхъ гранитныхъ утесовъ
Поднялся бурный вѣтеръ и завылъ, заревѣлъ въ поднебесьи.
И молвила черная туча брату буйному вихрю:
— « Здравствуй братецъ любезный! — Пойдемъ, погуляемъ,
По степи безбрежной лазурнаго неба походимъ! »—
И долго ходили, гуляли они въ пустынѣ небесной,
Вдругъ молвила черная туча брату буйному вѣтру:
Какъ ты думаешь вѣтеръ крылатый, гдѣ бы мнѣ лучше

Разостлаться по небу темнобагровой фатою? —
Ты видишь ли синее море лижетъ гранитныя скалы
Шумитъ, и шипитъ, и кипитъ, и клокочетъ, и стонетъ,
И пѣной перловою брызжетъ на берегъ песчаный
Надъ нимъ я низвергнусь потоками огненныхъ молній!»
Отвѣтствовалъ вѣтеръ крылатый: — «Напрасно сестрица
Огонь твой безвредно проглотитъ бурливая влага.» —
И молвила черная туча брату буйному вѣтру:
Видишь ли братъ тамъ нагія, безводныя степи?
Широко, далеко растянулись онѣ одноцвѣтною тканью,
Надъ ними паду водопадомъ пылающихъ молній!»...
Отвѣтствовалъ вѣтеръ крылатый: «напрасно сестрица,
Жгучій лучь солнца давно опалилъ эти знойныя степи,
Дождь молній безвредно падетъ на песчаную почву.» —
Сказала грозная туча брату вольному вѣтру:
— «Видишь-ли эти поляны, покрытыя снѣжнымъ хитономъ
Надъ ними я гряну ядромъ разрушительной бури!
Отвѣтствовалъ вѣтеръ крылатый: «напрасно сестрица,
Тамъ мерзнетъ лучь солнца и молній кровавыя стрѣлы
Безвредно падутъ на равнины покрытыя снѣгомъ.»...
Сказала злобная туча: — «Видишь ли тамъ бурный вѣтеръ

Гранитный утесъ?... Онъ досталъ небосводъ головою
У ногъ исполина поляны богатыя жатвой,
Его обовью я бичами сверкающихъ молній!» —
Отвѣтствовалъ вѣтеръ крылатый: — «напрасно сестрица
Ты видишь шеломъ ледяной на главѣ исполина
Въ гранитныя латы заковано тѣло гиганта;
Вѣка и стихіи его не разбили; безвредно
Копье твоихъ молній отскочитъ отъ каменной груди.—
Но видишь ли тамъ пышный городъ?—Смотри какъ тамъ гордо
Стоятъ величавыя башни и крѣпкія стѣны,
Разбей ихъ, а я размечу ихъ обломки по свѣту...
И туча надъ градомъ какъ хищная птица повисла,
Крылами своими затмила свѣтъ яснаго солнца.
Вотъ вспыхнуло пламя во мракѣ и рокоты грома
Слились и смѣшались съ глухими напѣвами вѣтра...

. . . . . .

Но вышла изъ этого города юная дѣва
И Господу-Богу усердно она помолилась....
Внялъ Творецъ голосу дѣвы простой и смиренной
И бросилъ черную тучу въ пучину морскую....

IV.

Утро.

Блещетъ утро золотое
Небо чисто и свѣтло,
Тихо море голубое
И прозрачно какъ стекло.

Воздухъ дышетъ нѣгой Мая
Въ небѣ солнышко горитъ;
Быстро волны разсѣкая
Легкокрылый челнъ летитъ.

Смолкли страсти и заботы
Какъ хрусталь душа чиста —
И Твои Господь щедроты,
Славятъ смутнаго уста.

V.

Терпѣніе.

Коль надъ тобой гремитъ судьбы гроза
И горестей желѣзная лоза
Прочь гонитъ отъ тебя надежды, радость, счастье—
Вооружись щитомъ отраднаго безстрастья,
И у людей суровыхъ не проси
Ни уваженіи, ни соучастья —
Но молча крестъ тяжелый свой неси....
Терпи—но не гордись терпѣньемъ,
Надѣйся,—не хвалясь надеждою своей,
Не хвастайся невольнымъ униженьемъ
И состраданія не требуй отъ друзей....
Но къ Богу прибѣгай съ молитвою усердной
Онъ отъ гоненія и зла тебя спасетъ;
Онъ весь любовь! — И милостью безмѣрной
За малыя печали воздаетъ!....

VI.

Судьба.

I.

Вы видали-ль какъ порою
Ходитъ туча надъ землею
И потоками дождя
Шумно льется на поля? —
Силу свѣжую вливаетъ
Въ корни нивы золотой
И растенья орошаетъ
Животворною водой.
Но въ груди огонь скрывая
Эта туча громовая
Много смутныхъ поразитъ
Много зданій сокрушитъ.

II.

Бываетъ часъ: сквозь призму золотую
Мы смотримъ весело на нашу жизнь земную
Судьба балуетъ насъ и радостью даритъ
Но этотъ мигъ, какъ пуля пролетитъ
И вновь знакомы намъ утраты и несчастья.
И вновь надъ головой бушуетъ и гремитъ
Обыкновенное житейское ненастье
А въ сердцѣ остается пустота
Да о быломъ неясная мечта.

III.

Есть въ жизни чудное мгновенье
Когда лучами вдохновенья.
Бываетъ грудь озарена
И теплотою умиленья
Душа невинная полна
Въ восторгахъ сладкихъ сердце таетъ
Въ надзвѣздный міръ летитъ мечта
И въ храмъ разсудка не дерзаетъ
Войти мірская суета
Въ душѣ восторженной бываетъ
Тогда такъ тихо, такъ свѣтло!
Но это время пролетаетъ

И смертный долу опускаетъ
Горе подъятое чело.
И снова на сердцѣ вползаетъ
Порокъ и злоба и расчетъ
И снова душу осаждаетъ
Страстей мучительныхъ причетъ.

IV.

Знать таково судьбы велѣнье
Чтобы ночь послѣ дня была
И чтобы въ чашѣ наслажденья
Печаль суровая жила.
Нѣтъ на землѣ сей совершенства
Но гдѣ-же вѣчное блаженство?
Безъ скорби, горестей и бѣдъ
Безъ смерти жизнь, безъ мрака свѣтъ?
Гдѣ безъ печали наслажденье?
Гдѣ неизвѣстно слово — тлѣнье?
Гдѣ все прекрасное не прахъ?
Тамъ, тамъ сонмы звѣздъ сіяютъ
Гдѣ Серафимы обитаютъ,
Въ необозримыхъ небесахъ!

VII.

Заклятіе.

Будь тотъ благословенъ, кто первый вздумалъ
Сребромъ и златомъ алтари украсить.
Будь тотъ благословенъ, кто первый сдѣлалъ
Полезный плугъ изъ мѣди и желѣза.

Будь проклятъ тотъ, кто изъ сребра и злата
Монету вылилъ для соблазна міру
Будь проклятъ тотъ, кто первый вздумалъ сдѣлать
Оружіе изъ мѣди и желѣза.

Придетъ ли этотъ часъ, когда всѣ люди
Согрѣтые лучами просвѣщенья
Не станутъ притѣснять и мучить ближнихъ
Не станутъ продавать за злато душу.

VIII.

Сонъ.

Я спалъ, я былъ тогда безъ чувствъ и безъ движенья,
Когда душа моя услыша тайный зовъ
Разрушила пуки земныхъ своихъ оковъ
И унеслась туда, въ отчизну вдохновенья
И тамъ согрѣтая божественнымъ огнемъ
Носилася въ надъоблачномъ просторѣ
И плавала въ эфирѣ голубомъ
Какъ въ безпредѣльномъ свѣтломъ морѣ.
Предъ ней мильоны звѣздъ по воздуху текли
Мильоны солнцъ пылали и горѣли
И безтѣлесныхъ ангеловъ полки
Во славу Господа святыя пѣсни пѣли !....

Но я проснулся, вновь она
Въ свою тюрьму возвращена

И вновь явился передъ ней
Знакомый міръ земныхъ страстей
Извѣстный бытъ земныхъ заботъ
Земныхъ печалей и хлопотъ
И въ грудь мою влилась тоска,
Душа рвалась за облака.

Ей въ мірѣ семъ было и скучно и тѣсно
Ей, бѣдной, хотѣлось въ приволье небесъ;
Гдѣ лютое горе земли неизвѣстно,
Гдѣ нѣтъ ни печалей, ни стоновъ, ни слезъ,
Гдѣ вѣчное счастье и вѣчная радость
Гдѣ нѣтъ ни страстей, ни лукавства, ни бѣдъ,
Безъ осени лѣто, безъ старости младость
Безъ вечера день, и безъ сумрака свѣтъ.

Но ахъ, крѣпка была тѣлесная темница
И, заключенная, какъ въ грустной клѣткѣ птица
Она летѣть на небо не могла,
А пѣсни Ангеловъ всѣ пѣть она желала,
Но въ мірѣ звуковъ тѣмъ подобныхъ не нашла
Небесныя слова земными не сказала.

И гдѣ найдетъ она звуки, подобные звукамъ небеснымъ
И кто здѣсь пойметъ, кто оцѣнитъ тѣ дивные звуки?

Не стоитъ о нихъ говорить недовѣрчивымъ людямъ
Безумствомъ, иль ложью они назовутъ эти пѣсни.
Они такъ привыкли къ заботамъ существенной жизни
И такъ породнились съ обманомъ, коварствомъ и ложью
Что мысли и звуки готовы аршинами мѣрять
И вѣрно тому не повѣрятъ, что выше ихъ жалкихъ понятій....

Но часъ придетъ:
Во прахъ падетъ
Тогда составъ тѣлесный
Душа уйдетъ
И допоетъ
Тотъ гимнъ въ степи небесной!....

IX.

Умиленіе.

Вы замѣчали-ль какъ порой
Въ душѣ суровой и преступной
Огнь умиленія святой
Блеститъ зарницею минутной.
Такъ солнца животворный лучь
Порою въ сумракѣ мелькаетъ
И группы безобразныхъ тучь
Багровымъ свѣтомъ озаряетъ.

X.

Слова старца.

Жизнь и свѣтъ
Я узналъ,
Много бѣдъ
Я видалъ.
Жаръ страстей
Испыталъ
И людей
Разгадалъ.
Близокъ мой
Ужь конецъ
Правъ святой
Царь-мудрецъ
Соломонъ.
Я слыхалъ

Будто онъ
Написалъ
Что сей свѣтъ
Есть мечта
И суетъ
Суета.

XI.

Три доли.

(Комната убрана просто. Полночь).

Поэтъ.

Я не доволенъ жизнью и людьми!
Что наша жизнь?—Цѣпь разныхъ огорченій
Существенныхъ заботъ, сердечныхъ заблужденій,
Пустыхъ надеждъ на счастіе вдали
Романъ однообразныхъ приключеній
Съ трагической развязкой подъ конецъ.
А свѣтъ, а люди? О Творецъ!
Какъ грустно думать: люди, люди!
Умы въ васъ черствы, хладны груди
Въ васъ не горитъ огонь святой
Высокихъ чувствъ и вдохновеній,

Вы такъ сдружились съ суетой
Что стали чужды всѣхъ небесныхъ наслажденій,
Не вѣрите вы ничему
Чего не видите тѣлесными очами,
Расчетъ, вашъ Богъ, расчету одному
Вы молитесь лукавыми душами.
Во всемъ предательство и въ мысляхъ и въ дѣлахъ
На сердцѣ ядъ и сахаръ на устахъ!
Я не люблю васъ люди.

(Молчаніе).

Геній мой!
Приди сюда, явись передо мной
Твоя бесѣда — мнѣ отрада....

(Является Геній).

Геній.

Ты звалъ меня, что тебѣ надо?

Поэтъ.

Я разсерженъ на жизнь и свѣтъ
Что дѣлать, дай совѣтъ полезный.

Геній.

Я очень радъ мой другъ любезный
Подать тебѣ благой совѣтъ:

Есть три доли, три судьбы
Выбирай какую хочешь:
Доля первая: тебя
Я сдружу съ людьми и свѣтомъ,
Міръ поднебный облачу
Для тебя въ цвѣтное платье,
Жизнь украшу, испестрю
Счастья сладкими дарами.
Соберу вокругъ тебя
Злато, роскошь и забавы,
Безмятежно дни твои
Пролетятъ какъ шумный праздникъ.
Никогда не будешь знать
Ты невзгоды и печали
Станешь ласково смотрѣть
На людей и жизнь земную.
Но за это ты хвали
Наслажденія мірскія,
Воспѣвай вино, любовь
Дружбу, радость и веселье
Въ пѣсняхъ людямъ угождай
И щади ихъ предразсудки,
Остротами ихъ смѣши
Тѣшь ихъ сказками пустыми.

Сочиненія твои
Будутъ людямъ драгоцѣнны
И они твое чело
Лавромъ славы изукрасятъ.

Поэтъ.

Я этой доли не хочу
Я этой славы не ищу.

Геній.

Есть три доли, три судьбы,
Выбирай какую хочешь,
Вотъ другая доля: я
Освѣщу твой шаткій разумъ
Строгой истины лучемъ.
Книгу опытовъ суровыхъ
Дамъ прочесть и этотъ свѣтъ
Покажу тебѣ безъ маски.
Дамъ возможность заглянуть
Въ умъ и сердце человѣка
Хладомъ душу оболью
Всѣ завѣтныя мечтанья,
Заблужденія ума
И надежды золотыя

И фантазіи твои
Уничтожу и разсѣю
И ты станешь презирать
Жизнь и свѣтъ, друзей и братій;
Въ твоей пламенной душѣ
Разорву всѣ связи съ міромъ
И вдохну въ младую грудь
Недовѣрье и безстрастье.
Ты-жь за это воспѣвай
Къ жизни мрачное презрѣнье
Равнодушье ко всему
Покажи намъ міръ подлунный
Съ самой черной стороны.
Все что людямъ драгоцѣнно,
Предразсудкомъ назови,
Надъ условьями ихъ быта
Надъ связями и страстьми
Наругайся и насмѣйся.
Покажи зародышъ зла
Въ добрыхъ помыслахъ и чувствахъ
А въ порокѣ — лучь добра,
Въ жизни — смерть, конецъ въ началѣ,
Въ счастьи — горе и печаль
Въ силѣ — мелкое безсилье

И въ богатствѣ — нищету.
Ты людей за ихъ пороки,
За коварство ихъ сердецъ
Рѣжь, язви, карай сатирой,
Какъ губительнымъ мечемъ;
Покажи имъ ихъ дѣянья
Во всей гнусной наготѣ
И они тебя бояться
Станутъ болѣе огня.

Поэтъ.

Я этой доли не хочу
Я этой славы не ищу.

Геній.

Есть три доли, три судьбы,
Выбирай какую хочешь.
Доля третья: у тебя
Всѣ забавы, наслажденья
Я въ сей жизни отниму.
Безъ надеждъ, въ тоскѣ и горѣ
Средь заботъ и нищеты
Проведешь ты дни земные.
Въ этомъ мірѣ межь людей

Будешь странникъ отчужденный
И на пирѣ бытія
Гость не прошенный и лишній,
Всѣмъ постылый и чужой
Всѣми презрѣнный, забытый;
Ты не будешь разумѣть
Что такое значитъ радость
И погаснешь какъ огонь
Позабытый при дорогѣ.
Но за то твоя душа
Просвѣтлѣетъ вдохновеньемъ,
Чувствъ возвышенныхъ пожаръ
Ярко вспыхнетъ въ юномъ сердцѣ,
Озарится голова
Мыслей творческихъ лучами.
Ты за это воспѣвай
Все высокое, святое
Въ звукахъ стройныхъ и живыхъ
Прославляй святую Вѣру,
Милосердіе къ врагамъ,
Чистоту души и сердца,
Добродѣтель и любовь.
Говори о небѣ людямъ,
О премудрости Творца,

О высокой свѣтлой правдѣ,
О безмертіи души,
О терпѣніи въ несчастьяхъ,
О возможности добра.
За твои святыя пѣсни
Тебя станутъ презирать
Рѣзать низкой клеветою
И насмѣшками марать....

Поэтъ.

Вотъ этой доли я хочу
И этой славы я ищу.

XII.

Голосъ сердца.

Когда въ степи небесъ летаетъ
Зловѣщимъ вороном гроза
И подъ завѣсой тучь скрываетъ
Отъ взоровъ день и небеса
Въ туманѣ молніи сверкаютъ
Грохочутъ громы въ небесахъ,
Протяжно вѣтры завываютъ
И стонетъ море въ берегахъ.
Тогда во прахъ я преклоняюсь
Предъ величіемъ Творца
Благоговѣйно восхищаюсь
И признаю въ себѣ пѣвца.

Когда на небо голубое
На колесницѣ огневой

Въѣзжаетъ солнце золотое
И день выводитъ за собой;
Когда алмазными звѣздами,
Небесный куполъ изпещренъ,
Когда надъ сушью и водами
Лежатъ и мракъ и тихій сонъ,
Во мнѣ восторгомъ грудь согрѣта,
Лечу я думой въ небеса
И признаю въ себѣ поэта
И славлю Божьи чудеса!....

XIII.

Къ доброму генію.

Въ тѣ дни когда я былъ служитель
Мірскихъ страстей и суеты
Внезапно свѣтлый небожитель
Передо мной явился ты!

И былъ ты ангелъ безтѣлесный,
Чистъ непорочною душой
Съ улыбкой кроткой и прелестной,
Въ очахъ съ любовію святой.

Въ глубокой безднѣ преступленья
Уже давно погрязшій я;
Впервые чувство умиленья
Узналъ, взирая на тебя,

Впервые мнѣ знакомы стали
Восторги радости нѣмой,
Впервые очи заблистали
Изъ сердца выжатой слезой.

Прошли года и предо мною,
Опять на мигъ явился ты
Съ своей невинною душою,
Съ своей улыбкой доброты.

И вновь я рабъ страстей, презрѣнный
Благоговѣю предъ тобой
И снова плачу пораженный
Твоей небесной красотой!

XIV.

Человѣкъ.

Какъ ты великъ и какъ ничтожно малъ,
Ты сильный Царь и вмѣстѣ рабъ презрѣнный,
Прекраснымъ, чистымъ Богъ тебя создалъ,
Тебѣ безсмертный духъ, и умъ, и волю далъ
И повелителемъ поставилъ надъ вселенной!

Ты Богомъ на границѣ двухъ міровъ,
Невидимаго съ видимымъ поставленъ;
Всѣхъ тварей выше ты и ниже всѣхъ духовъ,
Изъ двухъ началъ, изъ двухъ великихъ словъ
Души и плоти ты составленъ.

Ты разумомъ своимъ природу побѣдилъ,
Ты силу вещества разрушилъ силой духа,

Себѣ и океанъ, и воздухъ покорилъ
И всю вселенную оброкомъ обложилъ
Для вкуса своего, для взора и для слуха.

Проникъ и внутрь земли и въ глубину морей,
Слеталъ за облака, чтобъ тайны знать природы
Чтобъ силою ума извлечь и взять у ней
Пищу для разума, для тѣла, для страстей,
Щитъ отъ недуга и погоды.

Тебѣ доступны тожь и райскія мечты
Но Царь земли, — страстями побѣжденный
Погрязъ въ грязи пороковъ низкихъ ты
И сталъ среди земныхъ заботъ и суеты
Вассалъ грѣховъ покорный и презрѣнный.

XV.

Званые гости.

Близь Ревеля рыцарь Гогаузенъ жилъ,
И храбръ, и удалъ, и богатъ рыцарь былъ.

Вездѣ на турнирахъ и въ битвахъ съ врагомъ,
Побѣда и слава бывали при немъ.

Однажды онъ ѣхалъ съ охоты домой,
Съ нимъ псарь былъ любимый, да пажъ молодой.

Давно ужь былъ вечеръ, сводъ неба темнѣлъ,
Дождь капалъ и вѣтеръ уныло свистѣлъ.

До замка далеко, кругомъ лѣсъ густой
И не куда скрыться отъ бури ночной.

Мой рыцарь порядкомъ продрогъ и промокъ,
Вдругъ видитъ блеснулъ въ далекѣ огонекъ.

Блеснулъ и пропалъ онъ, и снова блеснулъ,
Въ ту сторону рыцарь коня повернулъ.

Поѣхалъ, огонь то сверкнетъ, то опять
Потухнетъ и снова ни зги не видать.

Тутъ рыцарь въ досадѣ пришпорилъ коня
И молвилъ: «Пусть дьяволъ морочитъ меня!

Нечистую силу и съ адскимъ огнемъ
Въ куски искрошу я моимъ палашемъ»....

И ѣдетъ мой рыцарь все далѣе въ лѣсъ,
А вѣтви сплелися надъ нимъ какъ навѣсъ.

За шлемъ и за латы хватаютъ его,
Съ досады онъ шпоритъ коня своего.

И далѣе ѣдетъ, и вдругъ увидалъ
Кладбище, костеръ на кладбищѣ пылалъ.

И группа скелетовъ безъ савановъ тамъ
Скакала, плясала вездѣ по гробамъ.

— «Кой чортъ, тутъ подумалъ мой рыцарь лихой
У мертвыхъ здѣсь пиръ какъ я вижу горой!

Здорово товарищи! — нѣтъ-ли вина,
Подайте мнѣ кружку, — ночь такъ холодна.

И я весь продрогъ и промокъ до костей;
Вино отъ недуговъ — цѣлебный элей.»

Одинъ изъ скелетовъ ему подаетъ
Бокалъ, и мой рыцарь съ улыбкою пьетъ.

Потомъ говоритъ имъ: — «спасибо друзья,
Полмили отсюда живу только я.

Ко мнѣ приходите и вѣрьте я вамъ
Радъ буду сердечно какъ добрымъ друзьямъ.

Мнѣ всякой любезенъ, кто малой лихой
И все мнѣ равно будь мертвецъ, иль живой.

Я вамъ раскажу о проказахъ моихъ,
О славныхъ турнирахъ и битвахъ былыхъ.

О дивныхъ принцесахъ и всѣхъ чудесахъ
Которыя видѣлъ въ заморскихъ странахъ.

Есть въ замкѣ моемъ дорогое вино
Сто лѣтъ какъ зарыто въ подвалѣ оно.

Его разопьемъ мы изъ чаши златой...
Теперь-же прощайте, пора мнѣ домой...»

И рыцарь уѣхалъ домой и молчалъ
О томъ съ кѣмъ онъ ночью въ лѣсу пировалъ.

Вновь день загорѣлся и снова потухъ;
Ужь полночь, все тихо и мрачно вокругъ.
Всѣ спятъ, но лишь въ замкѣ обширномъ своемъ
Печально сидитъ Паладинъ подъ окномъ.

Вдругъ слышитъ онъ свисты, и хохотъ и крикъ
Въ первые страхъ въ душу героя проникъ.

Вотъ двери, всѣ настежь: скелеты идутъ
И дикія пѣсни протяжно поютъ.

Тутъ рыцарь отъ страха со стула упалъ
И душу свою тутъ же Богу отдалъ.

И былъ схороненъ онъ съ отцами рядкомъ
Въ гробницѣ богатой съ фамильнымъ гербомъ.

Преданіе есть, что въ сей день роковой
Въ полночь ежегодно, въ той залѣ большой,

Гдѣ между портретовъ Бароновъ и дамъ
Развѣшаны чинно по темнымъ стѣнамъ

Косматыя каски, рядъ грозныхъ мечей,
Тяжелыя латы и сбруя съ коней, —

Пылаютъ огни, слышны пѣсни и гамъ
И снова все тихо и сумрачно тамъ.

XVI.

Русалка.

I.

Въ той сторонѣ благословенной
Спокойной, доброй и смиренной,
Гдѣ лентой свѣтло-голубой
Свапа въ долинахъ протекаетъ,
Тамъ нива жатвой золотой
Сторично трудъ вознаграждаетъ,
Тамъ вѣчно ясны небеса
Тамъ мягко-рунными стадами
Покрыты холмы, а лѣса
Богаты дичью и звѣрями.
Тамъ дѣвы юныя цвѣтутъ
Почти волшебной красотою,

И люди добрые живутъ
Съ патріархальной простотою.
Въ своихъ безхитростныхъ рѣчахъ
Они наивно простодушны,
Гостепріимны и радушны.
Туда въ былыхъ моихъ годахъ
Судьбой властительной влекомый
Пришелъ я странникъ всѣмъ чужой,
Но былъ привѣченъ какъ знакомый
И всѣми принятъ какъ родной.
И тамъ я помню, той порою
Какъ роза дивной красотою
Дѣвица юная цвѣла.
Ее любилъ я всей душою
Но ахъ, судьба насъ не свела;
Ее я здѣсь не называю
Но очень часто вспоминаю
И потому мнѣ такъ мила
Страна прекрасная, гдѣ прежде
Я былъ любимъ и самъ любилъ
И гдѣ обманчивой надеждѣ
Я много дани заплатилъ.
О той странѣ одно преданье
Я живо помню: нынѣ вамъ

О немъ правдивое сказанье
Въ стихахъ небрежныхъ передамъ.

II.

Тамъ, гдѣ бѣжитъ Свапы игривой
Тихо журчащая волна,
Есть городъ не весьма красивый,
Въ немъ церковь вѣтхая одна
Одинъ домъ каменный, старинный,
Гдѣ Земскій Судъ и Магистратъ,
И у крыльца конторы винной,
Пустыхъ боченковъ длинный рядъ.
Шесть бѣдныхъ лавокъ межъ домами
Предъ ними столики стоятъ,
У коихъ съ мѣдными деньгами
Мѣнялы толстые сидятъ.
И все тамъ тихо, лишь порою
Пѣтухъ задорный прокричитъ,
Или дорогой столбовою
Ямской бубенчикъ прозвенитъ.
По улицѣ кривой и грязной,
Босой мальчишка пробѣжитъ,
Пройдетъ съ бумагами приказной,

Да полупьяный инвалидъ.
Въ томъ городкѣ одна избушка
Была надъ самою рѣкой,
Въ ней вмѣстѣ съ дочкой молодой
Жила убогая старушка,
Въ ужасной бѣдности она
Трудами дочери питалась,
Которая у ней одна
Отрадой въ старости осталась.

III.

Недавно бѣдная вдова
Еще въ странѣ той поселилась;
О ней различная молва
Между сосѣдями носилась.
Желали знать всѣ кто она?
Не вѣдьма-ль старая хрычовка,
Или безстыдная жена
Дѣвичьихъ прелестей торговка?
Откуда и за чѣмъ пришла?
Всѣхъ мучила старухи тайна.
Она-жь сама всегда была
И молчалива, и печальна:

Она ни съ кѣмъ и никогда
Пустыхъ рѣчей не заводила
И кромѣ церкви ни куда
Съ своею дочкой не ходила.
Но видно было: съ юныхъ дней
Она съ тоскою породнилась.
Какая-жь страсть была у ней,
Какая грусть въ душѣ таилась?
О что такъ мучило порой
Ее? — Желанье мести злой,
Несчастій иго роковое,
Недугъ предсмертный, нищета,
Иль преступленіе былое,
Или о будущемъ мечта?
Она, безмолвная скрывала
Причину горести своей,
И даже дочь ея не знала
Что было на сердцѣ у ней.

IV.

О страсти, страсти, тѣ счастливы
Кто были холодны всегда,
Въ комъ ваши буйные порывы
Не волновались никогда.

Но тѣ счастливѣе, кто рано
Васъ испытали, — и потомъ
Лечить умѣли ваши раны
Спокойнымъ, опытнымъ умомъ.
Но въ тѣхъ, кто долго васъ носили
Въ своей измученной душѣ,
Свой слѣдъ кровавый до могилы
Вы оставляете уже.
Въ горахъ Кавказа подъ снѣгами
Течетъ кипучая вода,
И въ старикѣ подъ сѣдинами
Пылаютъ страсти иногда.

V.

У старой нищей дочь была:
Наташей мать ее звала;
Наташа всѣмъ была пригожа,
Всегда безпечна, весела,
На мать нисколько не похожа.
У ней какъ звѣздочки глаза,
И брови черные дугою,
И темно-русая коса
Надъ величавой головою.
Бывало съ матерью въ двоемъ

Она день цѣлый работала,
А послѣ позднимъ вечеркомъ
Съ собакой старою играла;
И въ сердцѣ юное едва-ль
Хоть на минуту западала
Нѣмая, тяжкая печаль....
Но рано-ль, поздно-ль и для ней
Пора настанетъ, ей взгрустнется,
Сердечко страстію забьется
И слезы брызнутъ изъ очей.

VI.

Въ томъ городкѣ въ день Покрова
Бываетъ ярмарка. Толпится
Народу гибель тамъ, едва
Заря на небѣ загорится.
Вездѣ и ѣдутъ и идутъ,
Кричатъ, дерутся и поютъ;
Туда помѣщикъ пріѣзжаетъ
Съ десяткомъ взрослыхъ дочерей,
Цыганъ-барышникъ пригоняетъ
Табунъ бракованыхъ коней;
Паяцъ въ жилеткѣ полосатой
Смѣшитъ зѣвающій народъ,

И поводильщикъ бородатый
Медвѣдя тощаго ведетъ.
Туда съ органомъ за спиною
И съ панорамой подвижною
Приходитъ Нѣмецъ, тамъ Еврей
Въ толпѣ съ цымбалами гуляетъ,
Въ досчатой лавочкѣ своей
Купецъ товары выхваляетъ,
Помаду, ситцы и платки;
И у палатки той холстинной
Гдѣ виденъ рядъ стакановъ длинной
Шумя толпятся мужики.

VII.

По этой ярмаркѣ гуляла
Наташа съ матерью и все
Тамъ занимало, забавляло,
И было ново для нее.
Но мать Наташина сказала:
«Пора намъ дитятко домой!»
Онѣ пошли—вдругъ увидала
Наташа парня предъ собой.
Одѣтъ нарядно въ свитѣ новой,
Перепоясанъ кушакомъ,

Въ сапожкахъ, въ шапочкѣ бобровой,
Красивъ и станомъ и лицомъ.
Наташа бѣдная взглянула
Такъ, мимоходомъ на него —
Вдругъ покраснѣла и вздохнула
Сама не зная отъ чего.

VIII.

Чуть брезжится, но ужь въ полъ-пьяна
Передъ дверями кабака
Толпятся, пляшутъ трепака
И раздается звонъ стакана.
Еще на улицѣ темно,
А пиръ горой давнымъ давно.
Сидитъ за стойкою хозяйка,
Бренчитъ нестройно балалайка,
Крикъ, хохотъ, пѣсни, шумъ, содомъ;
Тутъ ярмарка, нѣтъ дива въ томъ.
Толпа бѣснуется съ похмѣлья:
Кто пьетъ отъ горя, кто съ веселья,
Тутъ всѣ равны: всѣ, трубочистъ,
Лакей, крестьянинъ бородатый,
Въ шинелѣ ветхой копіистъ,
И въ орденахъ солдатъ усатый.

Но кто-же этотъ молодецъ
Лакей-гуляка, иль прикащикъ,
Барышникъ конскій, иль купецъ?
Веселыхъ повѣстей разкащикъ,
Плясунъ, глава кулачныхъ дракъ,
Разгульныхъ пѣсней запѣвала,
И балагуръ и весельчакъ,
Кто этотъ молодецъ удалый?
Откуда онъ? Никто его
Не знаетъ здѣсь, знать изъ далека,
И видно въ сердцѣ у него
Печаль скрывается глубоко,
Вчера еще онъ пилъ и пѣлъ,
А нынче что-то присмирѣлъ.
Не отъ того-ль, что мимоходомъ
На ярмаркѣ, между народомъ
Онъ повстрѣчался прошлымъ днемъ.
Съ одной красоткой черноокой,
И страстью пылкой и глубокой
Къ ней загорѣлось сердце въ немъ.

IX.

Солдатъ.

Что это братъ ты такъ не веселъ,
Свою головушку повѣсилъ. —

Да перестань совой глядѣть,
Спой что нибудь, ты мастеръ пѣть.....

Неизвѣстный.

Изволь, я пѣсню удалую
Тебѣ пріятель пропою
Про жизнь лихую, гулевую,
Про жизнь свободную мою.

(Поетъ.)

Гей молодцы! Сѣдлайте мнѣ коня,
Точите мнѣ булатный мечь какъ бритву,
Ужь скрылося давно свѣтило дня
Ночь на дворѣ, пора, пора на битву.

Ужь на селѣ погашены огни,
Скорѣе въ путь наѣздники лихіе,
Берите вы съ собою кистени
И пистолеты и мечи стальные.

Булатные ножи и бердыши
И мѣткія черкескія винтовки,
Сегодня будетъ вамъ въ ночной тиши
Кровавый пиръ удалыя головки.

Тамъ на горѣ за Волгою рѣкой,
Есть крѣпкія дубовыя палаты,
Въ нихъ съ дочкою, красоткой молодой,
Живетъ бояринъ знатный и богатый.

Палаты тѣ и все въ нихъ вамъ дарю,
Товарищи мои и други знайте:
Я ни сребра, ни злата не беру —
Мнѣ дочку лишь боярскую отдайте.

Мѣщанинъ.

Ай пѣсня! Кто ее сложилъ?

Неизвѣстный.

Я.

Приказный.

Ты пріятель говорилъ,
Что про свое житье лихое
Споешь намъ пѣсню, ай да хватъ!
Да только что это такое
Ты не разбойникъ-ли ужь братъ?
Ужь ты не Воронъ-ли проклятый,
Которой грабитъ за Сванои,

Хотя ты малый тороватый,
А впрочемъ, Богъ вѣсть кто такой!

Неизвѣстный

Кто я? — Я странникъ безъименной
Гонимый мачихой — судьбой,
Я сирота, во всей вселенной
Для всѣхъ постылый и чужой.....

X.

Зима. Сѣдыми облаками
Шатеръ небесъ заволокло,
Дымъ синій вьется надъ трубами
И поле снѣгомъ занесло.
Бѣлѣютъ кровли и заборы,
Замерзли рѣки и пруды,
На стеклахъ стелятся узоры,
Покрыты инеемъ сады.
Мятель протяжно завываетъ,
Скрыпитъ полозьями обозъ,
Мальчишекъ въ избу прогоняетъ
Клюкою дѣдушка морозъ. —

Настали святки и дѣвицы
Збираются подъ вечерокъ
Передъ трескучій огонекъ,
Послушать были, небылицы,
Переряжаться, пѣсни пѣть,
Лить воскъ и на воду глядѣть.
Все и шумитъ и веселится,
Вездѣ крикъ, пѣсни, пиръ горой;
Лишь горе мрачное тѣснится
Въ груди Наташи молодой.

XI.

Глухая полночь. Въ дымной хатѣ
Лучина тусклая горитъ;
Ужь на изломанной кроватѣ
Давнымъ давно старуха спитъ.
Какъ все здѣсь мрачно и уныло,
Какая бѣдность Боже мой:
Печь развалилась, полъ гнилой
И въ щели стѣнъ и двери хилой
Протяжно свищетъ вѣтръ ночной.
Дрожа отъ голода и стужи
Въ лохмотьяхъ старыхъ и блѣдна
Сидитъ Наташа у окна,

И плачетъ бѣдная и тужитъ
И думу думаетъ она:
«Ахъ для чего судьба такая
Мнѣ въ этомъ мірѣ суждена?
Я одинока и бѣдна
Въ семьѣ людей для всѣхъ чужая.
Съ тоской злодѣйкой съ раннихъ лѣтъ
Я безталанная сдружилась;
Увы, зачѣмъ на этотъ свѣтъ
Такою нищей я родилась?
За что суровая нужда,
И ближнихъ горькое презрѣнье
Меня преслѣдуютъ всегда
Со дня несчастнаго рожденья?
И онъ, тотъ юноша младой,
Къ кому любовь во мнѣ таится,
Со мною нищею такой
И говорить-то постыдится.
Онъ постыдится..... о нѣтъ, нѣтъ,
Онъ знаетъ: я не виновата,
Въ томъ что родилась на свѣтъ
И не знатна и не богата!»....

XII.

Всю ночь Наташа провела
Безъ сна, горюя и вздыхая;
Ужь заниматься начала
Заря; вдругъ мать ея родная
Отчаянно занемогла:
Болѣзнь мгновенно разрушала
И къ смерти близило ее,
Тутъ на одрѣ она привстала
И тихо дочери сказала:
— «Наташа, дитятко мое
Уже близка моя кончина,
Жила я долго, ангелъ мой,
Давно пора мнѣ на покой;
Но есть въ душѣ моей кручина
Тебѣ открыть ее должна,
Кручина эта — ты одна!...
На бѣломъ свѣтѣ сиротою,
Безъ крова, съ нищенской сумою
Богъ видитъ, какъ жалѣю я
Покинуть юную тебя.
Но знать твоя такая доля,
На все Его святая воля,

Онъ отъ напастей крѣпкій щитъ,
Не плачь, грѣшитъ кто унываетъ;
Тотъ, кто небесныхъ птицъ питаетъ
Тебя спасетъ и сохранитъ
Къ нему съ душою сокрушенной
И теплой вѣрой прибѣгай,
Будь доброй, чистой и смиренной
И отъ соблазновъ убѣгай.
Ты молода и не богата
Увы, узришь людей такихъ,
Которые предложатъ злато
Въ замѣну прелестей твоихъ;
Бѣги, бѣги ихъ, — въ сладострастьи
Не долго будешь утопать,
Промчится юность и въ несчастьи,
Придется жизнь свою кончать.
Не лучше-ль нищею остаться,
Чѣмъ не разумно предаваться
Влеченью бурному страстей,
А тамъ раскаяньемъ терзаться
И несть презрѣніе людей.
Тебѣ въ примѣръ и поученье,
Наташа милая моя,

Мои былыя приключенья
Перескажу подробно я.

XIII.

Средь роднова села
Я какъ роза цвѣла
И ни слезъ, ни заботъ, не знавала,
Я была молода:
И печаль никогда
Мою бѣлую грудь не терзала.

Молодежь той порой
Въ хороводахъ толпой
Волочилась за мною одною.
Всѣхъ красавицъ села
Я пригожѣй была
И сердила подругъ красотою.

Я еще ни по комъ
Не мечтала тайкомъ
И слыла красотою безстрастной,
Вдругъ явился мнѣ онъ —
Въ сердцѣ вспыхнулъ огонь
Грудь забилась любовію страстной.

Позабыла я все
Ретивое мое
Все грустило о миломъ украдкой;
Я слыхала мой другъ
Что любовь есть недугъ,
Но недугъ удивительно сладкой.

XIV.

О, сердечныя утраты
Тяжко вспоминать....
Къ намъ въ село пришли солдаты
На зиму стоять.

Нашу избу офицеру
Отвели сей-часъ
Такъ какъ лучшую квартеру
На селѣ у насъ.

Молодой нашъ постоялецъ
Меня полюбилъ.
Онъ собою былъ красавецъ,
И мнѣ тоже милъ.

Онъ бывало со мною
Цѣлый день сидитъ
И цѣлуетъ, и порою
Чѣмъ нибудь даритъ.

Говорилъ:» будь мнѣ женою
Я люблю тебя,
Въ этомъ мірѣ лишь съ тобою
Буду счастливъ я.

Ты крестьянкою родилась
Но повѣрь, ей, ей,
И Царица бы гордилась
Красотой твоей!»

Я довѣрчиво внимала
Хитрой рѣчи сей
И, къ несчастью скоро стала
Матерью твоей....

XV.

Тогда меня отецъ жестокой
Изъ дома отчаго изгналъ;
А онъ, измѣнникъ въ край далекой
Забывши клятвы ускакалъ.

И я, печаль въ душѣ скрывая,
Съ сумою нищенской тогда
Пошла скитаться въ край изъ края
Сама не вѣдая куда.
Одна съ тобой несчастнымъ плодомъ
Любви безумной и слѣпой;
Такъ проходили годъ за годомъ
Своей извѣстной чередой.
Я девятнадцать лѣтъ скиталась
Въ тоскѣ, и въ горѣ, и въ нуждѣ,
И наконецъ уже осталась
Въ безвѣстномъ этомъ городкѣ.....
Моя кончина не далеко!
О дочь моя! Страшись любви,
Бѣги презрѣннаго порока,
Господь тебя благослови!
Прощай!».... Съ горячею слезою
Ее старуха обняла,
И холодѣющей рукою
Перекрестивши — умерла.

XVI.

Ранней утренней порой,
Съ промысла ночнаго

Шелъ разбойникъ молодой,
Велъ коня гнѣдаго.

На головкѣ на бекрень
Шапочка надѣта,
А за поясомъ кистень
Да два пистолета.

Тихо молодецъ идетъ
По чистому полю,
Тихо пѣсенку поетъ
Про дѣвичью долю.

Пѣсня разбойника.

Дѣвица красотка,
Маковый цвѣтокъ,
Бѣлая лебедка,
Сизый голубокъ.
О чемъ ты горюешь
Сидя подъ окномъ,
О чемъ ты тоскуешь,
Слезы льешь по комъ?
Дѣвица вздыхая
Молвила въ отвѣтъ:
«Ужь судьба такая
Знать моя, мой свѣтъ,

Меня молодую
Милый другъ забылъ
И красу другую
Давно полюбилъ! »

XVII.

Вдругъ видитъ онъ не въ далекѣ
Идетъ красавица младая,
Съ котомкой, съ посохомъ въ рукѣ,
Блѣдна, почти полунагая.
Разбойникъ прямо къ ней идетъ
И въ ней съ восторгомъ узнаетъ
Онъ ту, которую случайно
На прошлой ярмаркѣ видалъ,
Ту дѣвушку, къ которой тайно
Любовь въ груди своей питалъ.
Дѣвица на него взглянула
Въ ея очахъ блеснулъ огонь;
Невольно красная вздрогнула
И прошептала: « это онъ! »

Разбойникъ.

Здорово дѣвица красотка!
Куда Господь несетъ тебя?

Странница.

Я безпріютная сиротка;
И ахъ, сама не знаю я
Куда влечетъ меня судьбина.

Разбойникъ.

Ты сирота! — И такъ тебѣ
Я близокъ дѣва по судьбѣ:
Я тоже круглый сиротина,
Гонимый злобою людской.
И такъ люби меня, какъ брата,
Ужь я давно знакомъ съ тобой:
Тебя нечаянно, когда-то
Въ толпѣ народной я видалъ;
И съ той поры любовью страстной
Къ тебѣ красавица пылалъ,
И вспоминалъ тебя всечасно;
Всечасно грезилися мнѣ
Твои блистающія очи
И на яву, и въ мирномъ снѣ,
И въ свѣтѣ дня, и въ мракѣ ночи.
Пойдемъ дорогою одной,

Твою хранить я стану младость
Будь мнѣ и другомъ и сестрой,
Дѣли со мной печаль и радость.
Клянусь по гробъ тебя любить!
Я веселъ нравомъ, наши годы
Мы будемъ мирно проводить
На лонѣ матери-природы;
Шумна, безпечна, весела
Польется наша жизнь земная!....

И молча руку подала
Ему красавица младая.

XVIII.

Зима прошла, и на луга
Согрѣты вешней теплотою,
Ее сребристые снѣга
Сбѣжали мутною водою;
Сломалъ проснувшійся ручей
Свои оковы ледяныя,
И прилетѣлъ въ лѣса густые
Весны сопутникъ соловей;
Свѣтлѣе въ небѣ голубомъ
Златое солнышко горѣло. —

Въ своей свѣтлицѣ подъ окномъ
Наташа юная сидѣла. —
Смеркалось; падала роса,
Заря на небѣ потухала;
Ей было грустно и слеза
Въ очахъ красавицы блистала.
Она мечтала: » О за чѣмъ
Я такъ безумно поступила?
О Боже милостивый! Съ кѣмъ
Свой жребій я соединила?
Ужасно вздумать — даже, — онъ
И братъ, и другъ мой, и любовникъ, —
Презрѣвшій совѣсть и законъ,
Злодѣй, безжалостный разбойникъ! —
О мать моя! Увы на что
Твои слова я позабыла?
О какъ же дорого за то,
Твоя Наташа заплатила.
О Боже мой, къ чему ведетъ
Любовь безумная, слѣпая:
Кровь бѣдныхъ жертвъ имъ пролитая
И на мою главу падетъ,
За то что я его скрываю
Его злодѣйства съ нимъ дѣлю,

Разбойникъ онъ, я это знаю,
Но все таки его люблю!....

XIX.

Уже пропѣлъ полночный пѣтелъ,
Востокъ зарей запламенѣлъ
И новый день хорошъ и свѣтелъ
На землю тихую слетѣлъ. —
Вдругъ конскій топотъ — и въ свѣтлицу
Вошелъ разбойникъ молодой
И на печальную дѣвицу
Взглянулъ съ досадою нѣмой.

Разбойникъ.

О чемъ всечасно ты вздыхаешь?
Что за кручина у тебя?
Чего еще, чего желаешь
Ты недовольная змѣя? —
Тебя я встрѣтилъ сиротою,
Нагую съ нищенскимъ мѣшкомъ,
Назвалъ тебя своей сестрою
Осыпалъ златомъ, серебромъ —
О чемъ, о чемъ твоя забота,
О чемъ ты слезы-то лила?....

(Молчаніе.)

Прошедшей ночью намъ работа
Признаться, славная была:
Купца Московскаго убили,
И поживилися путемъ:
Въ его повозкѣ мы отрыли
Сундукъ огромный съ серебромъ.
Ну ужь Москвичь — такой здоровый,
На-силу справилися съ нимъ. —

(Молчаніе.)

Тебѣ принесъ я перстень новый,
Вотъ онъ, на, полюбуйся имъ.

(Подаетъ ей перстень.)

Ну что каковъ? — Заморскій камень
Цѣны высокой вставленъ въ немъ.....

Наташа.

(Бросая перстень.)

Ахъ! руки жжетъ онъ мнѣ какъ пламень!
Смотри: кровь свѣжая на немъ!....

XX.

Не свѣтелъ мѣсяцъ свѣтитъ изъ за облака,
Не налетъ-соколъ вьется по поднебесью,
Не кукушечка кукуетъ во сыромъ бору,
Сидитъ добрый молодецъ на веселомъ пиру.
На веселомъ пиру, во честной бесѣдушкѣ.
Передъ тѣмъ добрымъ молодцомъ на златомъ блюдѣ
Стоитъ чарочка серебреная,
Зеленымъ виномъ полна, со краями розна,
А вокругъ его стоятъ его товарищи
Удалая, разгульная вольница,
Атаманы, есаулы и разбойники
Его вѣрные други — сподвижники.
Не змѣя шипитъ въ колючей крапивушкѣ,
Въ частомъ ельничкѣ, во мелкомъ березничкѣ,
Говоритъ доброму молодцу красная дѣвица:
«Ты послушай меня сударь, добрый молодецъ
Младъ-могучъ орелъ, свѣтъ-ясенъ соколъ,
Ты послушай меня удалый дѣтинушка
Забубенная твоя головушка:
Ты покинь свою прежнюю полюбовницу,
Ты забудь ее дѣвицу — негодницу,
Полюби ты меня красную дѣвушку

Будешь жить со мною припѣваючи
Ни заботушки, ни печали не знаючи!»
Цѣловалъ, миловалъ ее доброй молодецъ
Называлъ ее своей разлапушкой,
Потѣшался потомъ потѣхой молодецкою, —
Бралъ онъ свою прежнюю полюбовницу
За косу русую, да за ленту алую,
Выводилъ на крылечко брусяное
И прогонялъ вонъ со двора широкаго.

XXI.

Не соловушко громко свищетъ во густомъ лѣсу,
Не лазоревый цвѣтикъ цвѣтетъ въ зеленомъ саду
Не вечерняя звѣздочка блещетъ на небѣ, —
По дорогѣ столбовой идетъ дѣвица.
Не быстрая рѣка течетъ по камушкамъ
Горько плачетъ, льется красавица,
Не лютый змѣй сосетъ ей грудь бѣлую,
Ретивое сердце гложетъ злодѣй — тоска;
Не трескучій морозъ губитъ кустъ ракитовый
Губитъ дѣвушку забота великая
Мучитъ красную печаль тяжкая,
Не могильный камень у ней на душѣ лежитъ

А сушитъ, крушитъ ее, какъ былиночку
Дума крѣпкая, дума смутница,
Горе мрачное, горе лютое.
Не щебещетъ ласточка — касаточка,
Не воркуетъ сизая голубушка,
Говоритъ то красная дѣвушка:
«Вы налягте на небо тучи бурныя,
Разбушуйтесь вы вихри буйные
Вы раздуйте съ горъ желты пески,
Разступися ты мать сыра земля
Поглоти меня горемычную.
Любилъ меня дѣвицу добрый молодецъ
Любилъ да покинулъ, съ двора вытолкалъ
И оставилъ сиротою на бѣломъ свѣтѣ!»

XXII.

Туманы молочные
На землю ложилися
И звѣзды полночныя
Вдали появилися;
Дышали прохладою
Рѣка и прибрежной лѣсъ,
Ночною лампадою
Свѣтила луна съ небесъ.

Въ поляхъ лежали тишь и мгла,
Тогда изъ ближняго села
Къ Свапѣ дѣвица подошла
И въ воду бухъ...
Волна несчастную взяла,
На днѣ песчаномъ погребла
И сладострастно обняла
Какъ вѣрный другъ!...

XXIII.

Есть лугъ заповѣдный
Надъ мирной Свапой,
Гнѣзда не свиваетъ
Тамъ птица весной,
Охотникъ отважный
Туда не пойдетъ,
Цвѣтокъ не цвѣтетъ тамъ
И звѣрь не живетъ,
Въ странѣ той отъ вѣка
Лежитъ тишина,
Лишь плещетъ о берегъ
Печально волна.

XXIV.

Въ народѣ есть молва чудесная,
Что въ томъ лугу заповѣдномъ,
Когда горитъ луна небесная
Свѣтоточивымъ фонаремъ,
Когда тиха Свапа широкая,
Не дрогнетъ листъ въ глуши лѣсной,
Лишь Филомела одинокая
Поетъ и свищетъ подъ горой,
Туманы ризами волнистыми
Лежатъ на долахъ и лугахъ,
И роса каплями сребристыми
Дрожитъ на травахъ и цвѣтахъ,
Когда звѣздочка златая
Ярко свѣтитъ въ далекѣ,
Тамъ Русалка водяная
Появляется въ рѣкѣ.
И на брегъ она выходитъ
Грѣться мѣсячнымъ лучемъ
И печально пѣснь заводитъ
Въ томъ лугу заповѣдномъ.

Пѣсня Русалки.

Какъ въ свѣтлицѣ моей,
Хорошо у меня,
Изъ блестящихъ камней
Сложена она,
Стѣны въ ней перламутръ,
Полъ — цвѣтной топазъ,
Потолокъ — изумрудъ,
Окны тамъ алмазъ;
Жемчугомъ и сребромъ
Въ ней фонтанъ кипитъ;
Какъ въ дому моемъ
Хорошо мнѣ жить.

Всадникъ смѣлый и удалый
Это мѣсто объѣзжай
И ты путникъ запоздалый
Проходить тамъ не дерзай,
Та русалка лишь почуетъ
Неразумный твой приходъ,
Тебя, злая, очаруетъ
И въ пучину уведетъ.

XXV.

П. Д. Иванову.

Прими мой милый другъ отъ друга
Стихи небрежные его
И прочитай въ часы досуга
Плоды досуга моего.
Я знаю: сухи и не живы
Моей поэзіи цвѣты,
Смѣшны безсильные порывы
Разъочарованной мечты;
Уже и хладны и безкрилы
Остатки творческихъ идей,
И нѣтъ, какъ нѣтъ минувшей силы
Въ душѣ изношенной моей;
Нѣтъ тѣхъ сердечныхъ увлеченій,
Той жажды славы и труда;
Меня оставилъ добрый геній,
Забыла муза навсегда.
Мои былыя вдохновенья
И горделивыя мечты

Я промоталъ безъ сожалѣнья
На рынкѣ свѣтской суеты.
Но ты простишь великодушно
Мои невольные грѣхи, —
И вѣрно примешь добродушно
Сіи небрежные стихи.

ВТОРОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Бываютъ положенія въ жизни, когда идеи слѣдуютъ одна за другою такъ быстро, что не льзя понять, какъ въ столь немного времени—въ головѣ нашей пролетаетъ такое множество мыслей.

Генріэтта Ли.

А нынѣ поидите въ лодью свою, и лязите въ лодьи величающись.

Изъ Несторовой лѣтописи.

I.

Поэтъ.

Есть въ мірѣ страдалецъ — онъ міру чужой,
Онъ жалкой работникъ, поденщикъ простой.

Съ ребяческимъ сердцемъ и съ зрѣлымъ умомъ
Весь вѣкъ свой проводитъ за тяжкимъ трудомъ.

Мечтами о небѣ на свѣтѣ живетъ
И свѣту о таинствахъ неба поетъ.

Онъ много имѣетъ враговъ, но друзей
Ему не найдется межъ братьевъ людей.

Всякъ радъ уколоть клеветою его,
Терзать и язвить какъ врага своего.

Зане онъ въ семъ мірѣ какъ свѣточь во мглѣ
И нѣтъ ему равныхъ на цѣлой землѣ.

II.

Къ читателю.

Когда пѣвецъ восторга полный,
На крыльяхъ радужныхъ мечты
Земной юдолью недовольный,
Въ просторъ небесной высоты
Летитъ — и смѣло увлекаетъ
Твой умъ и сердце за собой,
Въ тотъ міръ гдѣ все обворожаетъ
Святой, нетлѣнной красотой...
Возрадуйся! — онъ не унизитъ
Тебя до міра суеты,
Тебя съ небеснымъ міромъ сблизитъ
Дастъ разумѣть тебѣ кто ты!

III.

Поэзія.

Какого мрака не разсѣетъ
Заря поэзіи святой?
Какого сердца не согрѣетъ
Животворящей теплотой?
Какой печали молчаливой
Въ больной душѣ не усладитъ,
И мысли злой и нечестивой
Она отъ насъ не удалитъ?
Но если слово вольнодумца
Смутитъ невинную порой,
Иль взоръ безмысленный безумца
Проникнетъ въ храмъ ея святой, —

Она краснѣеть и стыдится,
Въ устахъ красавицы укоръ
Порока низкаго боится
И клонитъ долу ясный взоръ.

IV.

Муза.

Я живо помню: навѣщала
Меня богиня пѣснопѣній
И въ юномъ сердцѣ зажигала
Лампаду райскихъ вдохновеній.

Какъ сына мать, такъ эта муза
Меня любила страстно, нѣжно
И время нашего союза
Летѣло тихо, безмятежно.

И я ту добрую богиню
До двери гроба не забуду
И вѣчно въ сердцѣ какъ святыню
Ее слова лелѣять буду.

Зане я зналъ съ ней въ дни былые
Все, что завидно для поэта
И славу и мечты златыя
И миръ душевный въ буряхъ свѣта.

V.

Два вдохновенія.

Когда душа любимца Феба
Свѣтла, спокойна и чиста
Какъ сводъ безоблачнаго неба,
Когда святая доброта,
И тишина, и умиленье,
Разлиты въ сердце, о тогда
Ему въ отраду вдохновенье,
И въ утѣшеніе мечта.

Но ежели тоска-змѣя
Или болѣзненныя страсти,
Или земнаго бытія
Невзгоды, горе и напасти,
Клеймятъ поникшее чело
Клеймомъ душевнаго волненья,

Тогда несносно тяжело
Пѣвцу святое вдохновенье.

Пріятно радостью своей
Дѣлиться съ міромъ для поэта,
Но скорбь его въ толпѣ людей,
Не сыщетъ братскаго привѣта
И потому бываетъ жаль
Самолюбивому поэту,
Передавать свою печаль
Къ ней нечувствительному свѣту.

VI.

На смерть юноши—Поэта.

Онъ умеръ, его нѣтъ, его умолкла лира,
Міръ для него исчезъ и онъ исчезъ для міра.
Давно ль въ его душѣ и чистой и святой
Горѣлъ, блестѣлъ огонь фантазіи живой,
Давно ль кипѣли въ немъ и страсти и желанья,
Высокопарныя и гордыя мечтанья, —
Давно-ль? Но ахъ его ужь въ этомъ мірѣ нѣтъ,
Погибъ поэтъ, погибъ на утрѣ юныхъ лѣтъ
Грозой безжалостной внезапно пораженный;
Не принеся плода увялъ цвѣтокъ мгновенный,
Не встанетъ онъ уже на дружескій призывъ,
Онъ для всего теперь и глухъ и молчаливъ;
Его сожегъ огонь печали неизвѣстной
И слѣдъ его пропалъ, какъ дымъ въ степи небесной.

VII.

Деревня.

Здѣсь среди желтыхъ нивъ, въ глуши густыхъ лѣсовъ
Свѣжѣе воздухъ и наряднѣе природа,
Нѣтъ этой духоты и скуки городовъ,
Условій тягостныхъ и свѣтскихъ кандаловъ,
Но тишина, приволье и свобода.

Люблю деревню я! Здѣсь бодръ и свѣтелъ умъ,
Спокойнѣе душа въ тиши уединенья,
Полнѣй и лучше трудъ, смѣлѣй воображенье,
Роскошнѣе плоды животворящихъ думъ,
И сладкозвучнѣй пѣснопѣнье.

О сладко здѣсь на время забывать
Свои безумно прожитые годы,

Мечтою въ міръ надзвѣздный улетать,
И вновь умомъ и сердцемъ оживать
На лонѣ матери-природы.

VIII.

Къ моимъ стихамъ.

Люблю свои стихи, плоды завѣтныхъ думъ,
Хотя не нахожу въ нихъ силы и искуства,
Хотя въ нихъ не блеститъ Байрона гордый умъ,
Не согрѣваетъ ихъ Торквата Тасса чувство.

Путемъ къ безсмертію я не считаю ихъ,
Но вижу въ нихъ дневникъ минувшихъ впечатлѣній,
Альбомъ страстей, идей и чувствъ былыхъ
Реэстръ моихъ надеждъ и заблужденій.

Такъ диво ли что я стихи свои люблю,
Всѣ недостатки ихъ предъ свѣтомъ сознавая.
Такъ любитъ старецъ молодость свою,
Такъ любитъ зеркало красавица иная.

И, ахъ, отрадно мнѣ надеждѣ вѣрить той,
Что черезъ много лѣтъ мои младые внуки
Не осквернятъ презрительной хулой
Сіи, изъ сердца выжатые звуки.

О кто-бы не былъ ты читатель, добрый мой,
Прими сердечное мое благодаренье
Коль ты почтишь правдивой похвалой
Хотя одно мое стихотворенье.

IX.

Земное ничтожество.

Бываетъ часъ, когда поэтъ
Согрѣтый жаромъ вдохновеній
Беретъ перо, да слышитъ свѣтъ,
Аккорды дивныхъ пѣснопѣній.

Но не находитъ въ мірѣ онъ
Приличныхъ словъ для выраженья
И гаситъ думъ своихъ огонь
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.

Такъ иногда могучій левъ,
Нежданно скованный цѣпями
Свое безсиліе узрѣвъ
Рычитъ и топаетъ ногами.

I W2

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound

LIBRARY OF CONGRESS

00025305139